

Изъ замѣтокъ стараго ремонтера.

I.

Въ 1850 году, по окончаніи курса наукъ въ одномъ изъ русскихъ университетовъ, я поступилъ юнкеромъ, съ выслугой трехъ мѣсяцевъ за рядового въ... гусарскій полкъ, квартировавшій въ то время на Югѣ Россіи. Тогда въ губерніяхъ Новгородской, Харьковской, Херсонской и частью въ Каменецъ-Подольской были военные поселенія; это послѣдіе извѣстнаго временщика Аракчеева. Военныя поселенія дорого стоили правительству императора Николая I-го. Современники утверждали, что каждая мѣрка овса обходилась казнѣ въ червонецъ. И дѣйствительно поселенскіе порядки были изъ рукъ вонъ убыточны для казны. Кромѣ содержанія всей этой аравы служащихъ окружныхъ начальниковъ, волостныхъ, содержанія штабовъ и т. д., все, что соприкасалось къ этому дѣлу, пользовалось якобы *безгртшными* доходами. Путники того времени нарисовали очень забавную картинку, которая ходила по рукамъ многихъ. Картинка эта изображала изъ себя скирды пшеницы на лапкахъ, и одинъ изъ окружныхъ начальниковъ съ кнутикомъ въ рукахъ подгонялъ эти скирды по дорогѣ въ Одессу.

Губернія Херсонская въ эпоху военныхъ поселеній была раздѣлена на округа и волости. Первыми командовали штабъ-офицеры, а вторыми оберъ-офицеры, повсюду были, какъ я замѣтилъ, устроены штабы, и всѣмъ этимъ раіономъ завѣдывалъ графъ Никитинъ, проживавшій въ Кременчугѣ.

Въ мѣстахъ расположенія полковъ между деревьями по дорогѣ на каждой четверти версты стояли каменные столбы, окрашенные въ цвѣтъ киверовъ расположеннаго полка. Такъ, напримѣръ, въ де-

ревнихъ, гдѣ стояли Александрійскіе гусары, столбики были окрашены въ красный цвѣтъ, въ мѣстахъ расположенія эскадроновъ Ахтырскаго гусарскаго полка, между деревнями столбики были желтаго цвѣта, уланы Бугскаго полка, кивера котораго были оранжеваго цвѣта, имѣли такіе же и столбики между деревнями. Въ районѣ расположенія Насаускаго уланскаго полка столбики были бѣлаго цвѣта, такъ какъ Насаускіе уланы имѣли бѣлые кивера.

Жалованье господамъ штабъ и оберъ-офицерамъ, а равно и содержаніе множества канцелярій обходилось далеко недешево казнѣ. И если ко всему этому прибавить хищенія, о которыхъ я упомянулъ, то для насъ, въ настоящее время является положительно непонятнымъ, какимъ образомъ правительство Николая I-го такъ долго терпѣло эти крайне не нужные и непродуцательные расходы.

Я очень молодымъ человѣкомъ вступилъ въ полкъ, квартировавшій въ военномъ поселеніи; этому прошло уже 55 лѣтъ, но я и до сихъ поръ не могу забыть впечатлѣнія, произведеннаго на меня порядками военного поселенія. Я живо помню рядъ этихъ каменныхъ домиковъ, стоящихъ, какъ солдаты по ранжиру, безъ надворныхъ пристроекъ; не то это были этапные пункты, не то маленькіе остроги, но улицамъ деревень встрѣчались какіе-то не то крестьяне, не то арестанты. Среди села красовался домъ, гдѣ собирався такъ называемый комитетъ, и производилась ежедневно расправа, конечно палочная надъ поселянами; ни вишневыхъ садишковъ, какъ это бываетъ въ малороссійскихъ селахъ, ни надворныхъ построекъ, ничего подобнаго нѣтъ и слѣда. Для кавалеріи были построены камышевыя конюшни, обмазанныя глиной; на каждый взводъ въ 48 лошадей, полагалась одна конюшня, манежи представляли собой какіе-то загоны безъ крышъ, они также были построены изъ камыша, обмазаннаго глиной.

Въ этихъ манежахъ, или правильнѣе загонахъ производились ученья. Пѣшее ученье и пѣшее по-конному дѣлались въ степи, конечно, когда сходилъ снѣгъ. Манежная ѣзда на уздечкахъ и на муштуккахъ была для учащихся чисто мукой. Всѣ недостатки лошади возмѣщались на ѣздокѣ. Если лошадь не шла въ сборѣ, командиръ приказывалъ укоротить поводъ, но и при такихъ случаяхъ лошадь не всегда шла въ сборѣ; ея ганапъ не позволялъ круто держать шею. Всадника тотчасъ же ссаживали съ лошади, и истязанія начинались. Злосчастнаго солдата били поводьями, фухтелями или палками. Почти все время ученья происходила порка. Пѣшій строй былъ еще болѣе невыносимъ. Солдаты маршировали въ три приѣма тихимъ и бѣглымъ шагомъ. Когда люди были одѣты въ полную парадную форму, страданія ихъ были невыразимы. Гусары

въ ту эпоху носили на себѣ тяжесть несравненно большую, чѣмъ кирасиры. Гусарскій солдатъ былъ одѣтъ въ доломанъ, и на плечахъ его пригонялся ментикъ; обѣ эти куртки имѣли сто двадцать четыре оловянныхъ пуговицы, ментикъ былъ подбитъ войлокомъ, ко всему этому слѣдуетъ прибавить, что въ гусарскихъ полкахъ съ бѣлыми шнурами на доломанахъ и ментикахъ приказано было бѣлить шнуры, для этого у каждаго солдата была маленькая щеточка, которою онъ насытитъ составомъ, заключающимся въ мелко растолченномъ мѣлѣ съ клеемъ, бѣлить шнуры и амуницію; на головѣ солдата былъ киверъ, нѣчто вродѣ неуклюжаго боченка, затѣмъ, конечно, сабля съ пашкой. Если свѣситъ всю эту форму, повторяю, она будетъ значительно тяжелѣ кирасирской. Потомъ рейтузы солдата пригонялись двоякимъ способомъ, для пѣшаго строя очень натянутыми, а для коннаго болѣе свободными. Смѣшно и жалъ было видѣть гусарскій эскадронъ марширующимъ тихимъ шагомъ. При поворотѣ шеренги налѣво кругомъ, происходили великіе курьезы, пашка марширующаго попадала ему между ногъ, а сабля ударяла сосѣда. При поворотѣ шеренги налѣво или направо вся хитрость заключалась въ томъ, чтобы не наступить марширующему въ затылокъ на шпору, и неудачное ученье, конечно, оканчивалось палочной расправой.

Но что въ особенности вліяло дурно на солдатъ, квартировавшихъ въ военномъ поселеніи, это распущенность ихъ, доходившая до мужицества. Вообще, всѣхъ прелестей, которыя я встрѣтилъ въ военномъ поселеніи, и не перечтешь. На такъ называемыхъ вольныхъ квартирахъ было нѣсколько лучше.

Здѣсь я долженъ сказать о разницѣ между военнымъ поселеніемъ и вольными квартирами.

Въ военномъ поселеніи войска продовольствовались натурой, а на вольныхъ квартирахъ по справочнымъ цѣнамъ. Земская полиція, т. е. исправникъ рапортовалъ о существующихъ цѣнахъ на рынкѣ. Обыкновенно эти рапорты о цѣнахъ далеко не были точны. За извѣстное припошенье, т. е. взятки становой приставъ и исправникъ увеличивали цѣны въ нѣсколько разъ. Такъ наиримѣръ, если цѣна на овесъ стояла, положимъ, 1 р. 20 к. за четверть, исправникъ доносилъ, что овесъ покупается по 3 р. 50 к. за четверть и дороже, то же самое дѣлалось съ сѣномъ и соломой. Такая любезность земской полиціи была какъ нельзя болѣе на руку командирамъ кавалерійскихъ полковъ, они получали десятки тысячъ рублей въ годъ *безгнѣсныхъ* доходовъ и, конечно, дѣлились съ эскадронными командирами. Въ то время, не скажу чтобы оно было особенно доброе время, какъ это называли, да и теперь называютъ,

къ огульному казнокрадству всё привыкли и даже въ Петербургѣ самыя высокопоставленныя лица находили такой порядокъ вещей вполне нормальнымъ. Командиръ гвардейскаго корпуса Великій Князь Михаилъ Павловичъ говорилъ: „кажется, ротмистръ такой-то очень много задолжалъ, надо ему дать полкъ на вольныхъ квартирахъ, пусть поправится“.

Въ концѣ концовъ вся эта прелесть жизни въ военномъ поселеніи наскучила мнѣ до ужаса. По производствѣ моемъ въ офицеры я сталъ просить полкового командира отправить меня за покупкой ремонтныхъ лошадей. Подковникъ изъявилъ согласіе на мою просьбу, вручилъ мнѣ деньги на 22 лошади, по 80 рублей за голову, и я, заручившись подорожной по казенной надобности съ двумя печатями, отправился прежде всего, разумѣется, въ Москву. Но прежде чѣмъ на долго распрощаться съ военнымъ поселеніемъ, я не могу не рассказать одного изъ комичныхъ эпизодовъ моей юнкерской жизни.

Передъ моимъ производствомъ въ офицеры случилось мнѣ ѣхать изъ мѣстечка Парановка въ мѣстечко Богополь. Ёхалъ я на почтовой перекладной съ служащимъ у меня поваромъ Иваномъ Васильевымъ. Отъ Парановки до Богополя версть 7 гладкой степи. Выѣхавъ изъ Парановки, мы увидали впереди большую бологульскую фуру, наполненную евреями, душь въ 15-ть по крайней мѣрѣ; мой ямщикъ, какъ оказалось впоследствии полтавскій паробокъ, грозно вскрикнулъ фуфъ, чтобы она сворачивала, хотя замѣчу, между прочимъ, въ этомъ не предстояло никакой надобности, такъ какъ степь была широкая и гладкая, но почтовый ямщикъ считалъ себя въ этомъ случаѣ важной особой, требовалъ, чтобы всё предъ нимъ сворачивало. Когда мы поравнялись съ фурой, правившій лошадьми балагулъ дерзко вскричалъ: „Ну что вы хотите, якій это паршивый юнкеръ ѣде, треба звертати, ну!“ Минувавъ фуру и нѣсколько пробѣжавши дальше, ямщикъ обратился ко мнѣ со словами:

— „Шкода паньчу жиды насъ обозвали паршивыми“; я, разумѣется, улыбнулся и ничего не отвѣтилъ, ямщикъ продолжалъ: „оце, паньчу, говорилъ онъ, указывая на мое двухствольное ружье, лежащее въ повозкѣ, треба пархатыхъ злекати рушницею“.

Мнѣ эта мысль ямщика понравилась, я былъ молодъ и склоненъ къ школьничеству всякаго рода. Отъѣхавъ еще на нѣкоторое разстояніе отъ фуры, взявъ ружье, вынулъ шомполъ, привинтилъ пыжовникъ, вынулъ дробь изъ обоихъ стволовъ, и убѣдившись, что въ стволахъ не осталось дроби, а лишь порохъ съ прибитыми пыжами, и велѣлъ ямщику ѣхать около дороги шагомъ. Вскорѣ насъ на

гнала фура, какъ я уже замѣтилъ, переполненная евреями. Правившій лошадьми балагулъ въ широкой шляпѣ, съ предлинными пейсами, разумѣется, въ лабсердакѣ былъ первой жертвой моего школьничества. Я вскинулъ ружье и навелъ его на возницу, послѣдній, робко защищая свою голову рукой, пробормоталъ:— „а ну не жартуй, ну-у“, тѣмъ же не менѣе, я спустилъ курокъ, раздался выстрѣлъ, и злосчастный балагулъ упалъ на спину на дно фуры; конечно паденіе это было слѣдствіе страха еврея. Между тѣмъ веселый полтавскій паробокъ ямщикъ не унимался, онъ говорилъ, указывая на одного изъ евреевъ, сидящаго въ фурѣ съ спущенными ногами,— „о сего рудаго валлите, панычу, все одно въ Сибирь итти“. Я послушался совѣта ямщика и сталъ наводить мое ружье на рыжаго еврея, сначала я цѣлилъ въ голову, потомъ въ грудь и животъ. Прошло полстолѣтія съ тѣхъ поръ, и я теперь еще безъ смѣха не могу вспомнить, какія забавныя гримасы дѣлалъ рыжій еврей; помучивъ его нѣсколько секундъ, я выстрѣлилъ. Еврей моментально опрокинулся назадъ, и въ фурѣ раздался какой-то вой. Далѣе уже не было надобности ѣхать рядомъ съ фурой, и мы помчались впередъ.

Приѣхавъ въ Богополь я, по обыкновенію, остановился въ заѣзжемъ домѣ знакомаго мнѣ еврея Дувидъ Бѣлаго. Вскорѣ насталъ вечеръ, и всѣ евреи пошли въ синагогу, я уже и забылъ о своемъ школьничествѣ, мнѣ подали чай и зажгли свѣчи. Читая какую-то ежедневную одесскую газету, я былъ пораженъ весьма удивительными вздохами хозяина, раздававшимися въ сосѣдней комнатѣ; отворяя дверь я увидѣлъ возвратившагося Дувидъ изъ синагоги. „Что съ вами, папс Дувидъ“, спросилъ я, „вы вѣрно не здоровы?“ „Ахъ нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ, отвѣчалъ мнѣ Дувидъ, якийсто лайдакъ злѣкавъ нашихъ евреевъ; всѣ они заболѣли холерой, послали за докторомъ Грамовичемъ. Ахъ, Боже мой, какой грѣхъ“, прибавилъ вздыхая папъ Дувидъ.

Конечно, мною не было сказано, что этотъ лайдакъ, злѣкавшій евреевъ, былъ я.

II.

Покупка ремонтныхъ лошадей имѣла свои преимущества. Ремонтеръ могъ разѣзжаться по всей Россіи. Не только провинція, но и Москва, въ особенности барыни и барышни очень жаловали молодыхъ ремонтеровъ, что и весьма понятно; большинство барышень стремились обзаводиться богатыми мужьями, а ремонтеры почти

всегда были люди съ хорошими средствами. Я не буду описывать московское общество 50-хъ годовъ, это не входитъ въ мою задачу, но не могу не замѣтить, что мое пребываніе въ Москвѣ было для меня весьма пріятно. Въ ту эпоху Москва могла назваться дворянскимъ городомъ. На улицахъ: Пречистенкѣ, Остоженкѣ, Арбатѣ, Сивцевомъ Вражкѣ, Молчановкѣ и т. д. и т. д. проживали помѣщики-дворяне съ своими семействами, и было великое множество самыхъ интересныхъ невѣсть. Меня Богъ помиловалъ, но многіе изъ моихъ товарищей ремонтеровъ сочетались брачными узами съ московскими красавицами и вмѣсто того, чтобы ѣхать на ярмарки Лебедянскую, Коренную или въ Ромны, они съ своими молодыми супругами отправлялись въ помѣстья, полученные ими въ приданое.

По окончаніи зимняго сезона я отправился въ Коренную ярмарку. Въ то время тамъ было что купить ремонтеру. Лошадей приводили на ярмарку и пригоняли великое множество. Но здѣсь я долженъ сдѣлать маленькую оговорку. Ремонтеры 50-хъ годовъ по большей части, какъ я замѣтилъ, были люди богатые, цѣль ихъ главнымъ образомъ заключалась въ томъ, чтобы носить мундиръ и быть вполне свободными, для этого большинство ремонтеровъ, получивъ командировку, тотчасъ же заключали условіе съ барышниками, которымъ приплачивали къ ремонтной цѣнѣ рублей 30 и уѣзжали на все время въ Москву или въ какое-нибудь изъ своихъ помѣстій. Мнѣ иногда приходилось встрѣчать на Лебедянской или другихъ ярмаркахъ подобныхъ ремонтеровъ, при чемъ я былъ свидѣтелемъ весьма забавныхъ сценъ. Ремонтеръ въ гусарскомъ платьѣ, съ длиннымъ бичемъ въ рукахъ, въ сопровожденіи барышника и унтеръ-офицера съ мѣрой, обходилъ конную, указывая барышнику какую лошадь надо было купить. Барышникъ, хитро улыбаясь себѣ въ бороду, соглашался съ его благородіемъ, а его благородію было и не въ домекъ, что барышникъ давнымъ давно уже купилъ весь ремонтъ, и куплетныя имъ барышникомъ лошади стоятъ по дворамъ. Подобныя экскурсіи молоденькихъ франтовъ ремонтеровъ производились ради эффекта, для того, что бы сказать смазливой барышнѣ сосѣдкѣ, что онъ, ремонтеръ, былъ на ярмаркѣ и купилъ весь ремонтъ. Для успѣшной покупки ремонтныхъ лошадей гусарская венгерка и унтеръ-офицеръ съ мѣрой вовсе не пригодны, необходима болѣе скромная роль, поддевка, смазанные сапоги и кнутъ на длинномъ кнутовищемъ, съ крестиками, обозначающими мѣру лошади. Не рѣдко случались такіе курьёзы. Переодѣтый въ поддевку ремонтеръ подходитъ къ крестьянину, продающему лошадь, и спрашиваетъ его: какая ей цѣна? Крестьянинъ объявляетъ цѣну, ремонтеръ находитъ цѣну дорогой.

— Эко дѣло, возражаетъ крестьянинъ, я вотъ сейчасъ съ ремонтера запросилъ вдвое дороже. Въ 50-хъ годахъ русская кавалерія имѣла четыре масти лошадей: вороную, рыжую, сѣрую и гнѣдую. Полки имѣли восемь эскадроновъ, при чемъ седьмой и восьмой эскадроны были фланкерскіе, рассыпались передъ фронтомъ полка съ праваго и лѣваго его фланговъ. Лошадь въ легкую кавалерію требовалась сухая, по преимуществу степныхъ заводовъ, на короткихъ бабкахъ, не выше двухъ аршинъ четырехъ вершковъ. Въ моихъ путешествіяхъ по разнымъ ярмаркамъ, для покупки лошадей, мнѣ не рѣдко случалось наталкиваться на весьма забавныя сцены. Въ 1851 году случилось мнѣ быть на весенней ярмаркѣ въ Балтѣ. Закупивъ нужное для меня количество лошадей, я уже рѣшилъ дня черезъ три отправиться въ депо, которое было въ мѣстечкѣ Кривомъ Озерѣ, К. Подольской губерніи. Дня за два до моего отъѣзда меня посѣтилъ извѣстный барышникъ и знатокъ ремонтнаго сорта лошадей Мошка. Бесѣдуя съ нимъ о его сдачѣ ремонта австрійцамъ, я задалъ ему вопросъ, что онъ теперь думаетъ предпринять на ярмаркѣ? Собираю шпорный сортъ лошадей для Кракова, Лемберга и Вѣны, отвѣчалъ мнѣ Мошка. Во время нашей бесѣды вдругъ, совершенно неожиданно вошелъ въ комнату и главный ремонтеръ... гусарскаго полка графъ П—кій. Поздоровавшись со мной, графъ радостно объявилъ мнѣ, что купилъ весь ремонтъ въ количествѣ 120 головъ.

— Хочешь посмотреть, прибавилъ П—кій, мой ремонтъ, размѣщенный по дворамъ. Завтра отправляю лошадей въ дивизионную квартиру. Съ удовольствіемъ, отвѣчалъ я, но позволь идти съ нами также и Мошкѣ.

— А, пане Мошка, я тебя и не замѣтилъ, вскричалъ П—кій, съ удовольствіемъ, идемъ смотрѣть мой ремонтъ; вѣдь ты такой знатокъ.

Мошка низко поклонился его сіятельству, и мы отправились. Въ большомъ заѣздномъ домѣ, стоящемъ на выѣздѣ подъ навѣсомъ, были привязаны купленные лошади. Началась выводка лошадей, всѣ онѣ были не ниже двухъ аршинъ четырехъ съ половиной вершковъ, прекрасно выкормленные и вычищенные, словомъ сказать, лошади дѣйствительно были очень эффектные; но ни одна изъ нихъ не подходила подъ условія инструкціи. Во все время выводки лошадей Мошка не произнесъ ни одного слова, я также молчалъ, восхищаясь лошадьми лишь самъ П—кій. Когда осмотръ лошадей по тремъ дворамъ былъ оконченъ, П—кій, обратясь къ Мошкѣ, спросилъ, какъ онъ находитъ его ремонтъ.

— Лошади хороши, ваше сіятельство, отвѣчалъ еврей, даже очень

хороши, но ни одна изъ купленныхъ вами лошадей не будетъ принята, ихъ всѣхъ забракують.

— Это почему? злобно вскричалъ графъ, да знаешь ли ты, безмозглая твоя голова, что въ моемъ ремонтѣ вѣтъ ни одной лошади дешевле 120 руб.!

— Знаю, ваше сіятельство, скромно отвѣчалъ Мошка, тѣмъ не менѣе лошади ваши будутъ забракованы.

— Однако почему же ты такъ думаешь? горячился все болѣе и болѣе графъ. Впрочемъ, что же я съ тобой говорю, очевидно ты привыкъ торговать одними клячами.

На этотъ комплиментъ Мошка отвѣтилъ, что быть можетъ его сіятельство ясно-вельможный графъ и правъ, но онъ, Мошка, находитъ, что ремонтныя лошади графа, хотя и очень эффектны, но всѣ они сырыя тамбовскія выкормки.

— Ну, что съ тобой толковать! нетерпѣливо вскричалъ П—кій и мы разошлись по домамъ.

На другой день по большой дорогѣ потянулся ридъ подводъ съ криками, то слѣдовалъ ремонтъ П—каго въ дивизіонный штабъ. Передъ моимъ отъѣздомъ изъ Балты мнѣ случилась надобность быть на выѣздѣ города, идѣ въ степи, въ загонахъ были табунныя лошади. Купивъ нѣсколько нужныхъ мнѣ головъ лошадей, я къ моему великому удивленію увидалъ, что Мошка отбиваетъ въ косякахъ рылыхъ лошадей. Помня его рассказъ о шорныхъ лошадяхъ для Австрій, я никакъ не могъ разрѣшить вопроса, къ чему понадобился Мошкѣ ремонтный сортъ лошадей.

— Что это ты дѣлаешь, спросилъ я еврея, вѣдь ты говорилъ, что будешь покупать для Кракова, Лемберга и Вѣны большихъ шорныхъ лошадей, зачѣмъ же тебѣ понадобились рыжія ремонтныя лошади?

— Для А. гусарскаго полка, отвѣчалъ мнѣ Мошка.

Послѣ этого отвѣта я еще болѣе изумился и сказалъ.

— Помилуй, пане Мошка, ты кажется собственными глазами видѣлъ П—каго ремонтъ, который и отправленъ уже въ депо, къ слачѣ.

— Это ничего не значить, отвѣчалъ мнѣ Мошка, ремонтъ П—каго весь будетъ забракованъ.

Я на это ничего не отвѣчалъ, лишь пожалъ плечами и удалился. Вскорѣ ремонтныя лошади рыжей масти Мошкой всѣ были куплены, и еврей погналъ лошадей гонимъ по степи. Впослѣдствіи я узналъ, что Мошка по прибытіи его лошадей въ городъ Вознесенскъ, гдѣ въ то время былъ штабъ пятой легкой кавалерійской дивизіи, всѣхъ лошадей поставилъ по дворамъ въ Контокузовкѣ, покрылъ попонами, сталъ ихъ чистить и навѣшивать торбы съ

овсомъ. Въ недѣлю лошадей не было возможности узнать, онѣ до такой степени измѣнились и похорошѣли. Между тѣмъ началась сдача ремонта П—кого, эта сдача продолжалась нѣсколько дней, и дѣло кончилось тѣмъ, что весь ремонтъ П—каго, за исключеніемъ трехъ лошадей, былъ забракованъ. Скандалъ небывалый: 117 лошадей оказались негодными. Конечно для такого богатаго магната, какимъ былъ графъ П—кій, потеря, хотя бы и десяти тысячъ рублей ровно ничего не значила, но повторяю, скандалъ неизбежно долженъ былъ имѣть печальныя послѣдствія. Вся родовитая шляхта забраннаго края узнала бы объ этомъ фіаско главнаго ремонтера графа П—каго, такой срамъ неизмѣримо хуже всякой денежной потери. Ясно-вельможный графъ П—кій ежегодно имѣлъ обыкновеніе задавать пиръ на весь міръ, по случаю благополучной сдачи ремонта; а тутъ такой страшный скандалъ, весь ремонтъ забракованъ. Что онъ, графъ, будетъ говорить поветовому маршалку и всѣмъ родовитымъ панамъ? Кепско! думалъ П—кій, двигаясь изъ угла въ уголъ въ своемъ кабинетѣ. Въ это самое время лакей, войдя въ кабинетъ, доложилъ графу, что еврей Мошка желаетъ представиться его сіятельству. Ахъ Мошка!—оживленно вскричалъ П—кій,—вели ему войти. Вскорѣ пришелъ Мошка и остановясь на порогѣ низко кланялся графу.

— А пане Мошка, якъ семать, прошу сядай тутай.

Мошка, еще разъ низко поклонившись, сѣлъ на кончикъ стула.

— Какими судьбами ты здѣсь? продолжалъ графъ.

— Имѣю маленькую надобность въ Контокузовкѣ, отвѣчалъ Мошка и узнавъ, что ясно-вельможный графъ въ Вознесенскѣ, счелъ за пріятный долгъ засвидѣтельствовать вамъ мое почтеніе.

— Да, я задержался въ Вознесенскѣ, процедура пріемки лошадей затянулась на нѣсколько дней; а вѣдь ты правду сказалъ, говорилъ П—скій, помнишь въ Балтѣ, когда ты смотрѣлъ мой ремонтъ, дѣйствительно почти всѣ лошади забракованы, теперь я право и не знаю, что дѣлать, сто семнадцать лошадей одной масти, скоро купить нельзя, и выйдетъ такой позоръ, какого я и не ожидалъ.

— Что же, ваше сіятельство, возразилъ Мошка, это дѣло поправимое. Отъ ремонта, который я рассчитывалъ гнать въ Австрію, у меня остались съ сотню рыжихъ лошадей, если угодно вашему сіятельству, я предоставлю моихъ лошадей въ ваше распоряженіе.

— А соотвѣтствуютъ ли твои лошади инструкціи? спросилъ графъ.

— Думаю, что соотвѣтствуютъ, вы можете сегодня же заявить въ штабѣ, что у васъ готова для сдачи другая партія лошадей, и пріемъ можетъ начаться не позднѣе какъ послѣ завтра.

— Я на это согласенъ, сказалъ графъ, а какія будутъ твои условія, панъ Мошка? спросилъ графъ.

— О ваше сіятельство, условія мои будутъ самыя маленькія, отвѣчалъ Мошка, за каждую принятую мою лошадь вы мнѣ дадите вашу забракованную и 70 руб. придачи.

Хотя ясновельможный магнатъ П-кій былъ и очень богатъ, но такія *маленькія* условія еврея ошеломили графа. Онъ долго торговался съ Мошкой, и было рѣшено, что П-кій приплачиваетъ къ каждой забракованной лошади 50 рублей. Графъ П-кій, зная Мошку за великаго знатока ремонтнаго сорта лошадей, даже и не полюбопытствовалъ взглянуть на предлагаемый ему евреемъ ремонтъ, тотчасъ же сдѣлалъ заявленіе въ штабъ, что у него П-каго имѣется другая партія лошадей, въ замѣнъ забракованныхъ.

На третій день пріемъ лошадей Мошки начался, при чемъ самъ еврей былъ въ сторонѣ, все дѣлалъ графъ П-кій. На этотъ разъ пріемка лошадей оказалась чрезвычайно удачною, ихъ почти всѣхъ приняли, и главный ремонтеръ штабсъ-ротмистръ графъ П-кій получилъ благодарность приказомъ по дивизіи.

Разсчитавшись съ Мошкой, графъ П-кій отправился въ свои маенки, гдѣ въ его общпрномъ дворѣ былъ данъ великолѣпный пиръ. Родовитыя паны само собою разумѣется не узнали, что при вторичной сдачѣ ремонта главную роль игралъ еврей Мошка; это послѣднее обстоятельство было скрыто отъ родовитыхъ пановъ. Торжество графа П-каго было полное. За обѣдомъ сама супруга поветоваго маршалка подняла бокалъ и предложила гостямъ выпить за здоровье ясновельможнаго пана П-каго, дѣлающаго великую честь всему забракованному краю. Всѣ остальные паны весьма сочувственно отнеслись къ тосту, предложенному панной маршалковой. Этотъ банкетъ, по случаю удачной сдачи ремонта, стоилъ П-кому едва ли не дороже *маленькихъ* условій съ Мошкой.

Послѣдній дѣйствительно сдѣлалъ не дурной гешефтъ. Принятые Мошкой лошади П-каго были разсортированы на четверки шорнаго сорта и проданы весьма выгодно въ Австрію. Случай съ польскимъ графомъ П-кимъ былъ исключительнымъ, вообще же въ началѣ 50 годовъ Россія еще обладала конскимъ богатствомъ. Обширныя степи нашего отечества благопріятствовали къ разведенію табуновъ лошадей. Въ ту эпоху каждый крестьянинъ напримѣръ Тамбовской, Рязанской, Воронежской, Харьковской и другихъ губерній южной полосы Россіи, имѣлъ нѣсколько кобылицъ. Къ сожалѣнію уже въ 60-хъ годахъ овца вытѣснила лошадь, *почтеннѣйшіе* коммерсанты, такъ удачно названные разбойниками сельскаго хозяйства, напимая цѣлину въ количествѣ десятковъ тысячъ десятинъ, распахивали ее,

выжимали изъ земли всѣ соки и бросали эту землю, на которой ничего не могло родиться, кромѣ бурьяну и колючки. Такіе промышленники, не заботясь о благосостояніи края, наживали громадные барыши на свои капиталы, а потомъ, разумѣется, лежались на печки въ своихъ замоскворѣцкихъ палатахъ и ежемѣсячно отрѣзывали купоны отъ своихъ банковыхъ билетовъ.

Насколько Россійское Государство и народъ выигрывали и выигрываютъ отъ такой коммерціи почтеннѣйшихъ, предоставляю судить каждому благомыслящему человѣку. Если я буду говорить, за какія цѣны я покупалъ въ 50-хъ годахъ лошадей, едва ли кто мнѣ повѣритъ, до такой степени малы были эти цѣны. Лошадь, которую въ то время можно было купить за 30, 40 рублей, теперь надо заплатить 150 руб. или 200 рублей. Я помню, разъ мнѣ пришлось ѣхать въ депо, находившееся тогда въ мѣстечкѣ Кривое-Озеро, Подольской губ. На этотъ разъ я ѣхалъ не на почтовыхъ лошадяхъ, а въ балагульской фурѣ съ евреемъ. Помню, я обратилъ вниманіе на пристяжную съ лѣвой стороны. Это была лошадь прекрасно сложенная, ростомъ около 2 аршинъ 3 вершковъ. Я спросилъ возницу, какихъ лѣтъ его лѣвая кобылка пристяжная?—Четыре года весна, отвѣчалъ мнѣ еврей.—Не продашь ли мнѣ лѣвую пристяжную, спросилъ я.—Почему не продать, отвѣчалъ мнѣ еврей, продамъ,—а лишь моя кобылка не дешевая, бо дюже добра коняка.—Сколько же ты за нее хочешь? спрашивалъ я. Меньше 25 карбованцевъ я за нее взять не могу, объявилъ мнѣ еврей.—Ну, это для меня черезчуръ дорого, сказалъ я.—А много ли вы даете, приставалъ еврей.—Любую половину, хладнокровно отвѣчалъ я. Ахъ, Боже мой, гримасничалъ еврей, за такую добрую коняку 12 карбованцовъ! Ахъ Боже мой! Я ничего не отвѣчалъ и мы молча добѣжали до мѣстечка Ревутскаго, гдѣ предполагено было сдѣлать небольшую остановку. Выйдя изъ фуръ, я просилъ полать мнѣ самоваръ, что и было исполнено. Зная еврейскую натуру, я былъ увѣренъ, что мой возница придетъ толковать со мной о своей конякѣ. Я не ошибся; едва мною былъ выпитъ стаканъ чаю, какъ въ комнату вошелъ балагуль.

— Ну что же, вельможный пане, обратился онъ ко мнѣ, возьмете вы у меня лѣвую пристяжную?

— Нѣтъ, равнодушно отвѣчалъ я, твоя коняка для меня слишкомъ дорога.

— Ахъ, Боже мой, заторопился еврей, я пожалуй уступлю два карбованца.

— Нѣтъ, не надо, продолжалъ я. Видя мое равнодушіе къ покупкѣ *дюже доброй коняки*, еврей заторопился еще болѣе и вскричалъ—ну нехай буде двадцать карбованцевъ.

И на эту уступку я не пошелъ. Долго мы торговались еврей ерзалъ на стулѣ, гримасничалъ, убавлялъ по полтиннику, наконецъ мы сошлись и ударили по рукамъ; я купилъ пристяжную за 15 руб. При чемъ произошелъ очень характерный фактъ. Когда я отдавалъ за лошадь деньги, еврей съ ужимками сталъ просить меня, чтобы я далъ ему на поводокъ 50 копѣекъ. Хотя въ данномъ случаѣ и не было надобности давать на поводокъ, но еврей такъ корчился и униженно меня просилъ, что я наконецъ выбросилъ ему полтинникъ. Дальнѣйшая судьба купленной мною у балагула лошади заслуживаетъ вниманія.

По приѣздѣ въ депо я отдалъ мою кобылку унтеръ-офицеру, просилъ лучше чистить лошадь, покрыть ее попоной, два раза въ день навѣшивать торбы съ овсомъ и черезъ день гонять на бордѣ. Черезъ три мѣсяца я не узналъ моей кобылки, она нѣсколько подросла, сложилась и имѣла видъ самаго лучшаго породера. Словомъ сказать эта еврейская коняка украсила весь мой ремонтъ. По приводѣ лошадей въ полковой штабъ я тотчасъ же получилъ свѣдѣнiя, что по приемѣ ремонта, полковой командиръ оставилъ еврейскую кобылку за собой. Впослѣдствіи она была выѣжена, и полковой командиръ производилъ на ней фуроръ. Произведенный въ генералы, онъ былъ назначенъ командиромъ одного изъ гвардейскихъ полковъ и продалъ бывшую еврейскую пристяжную новому командиру полка за тысячу пятьсотъ рублей.

И это не одинъ случай въ моей ремонтерской практикѣ.

Въ началѣ 50-хъ годовъ можно было покупать прекрасныхъ лошадей за самую ничтожную цѣну.

Я помню въ 1852 году случилась мнѣ надобность побывать въ Крымскомъ имѣніи; путь мой лежалъ черезъ городъ Карасу-базаръ, гдѣ въ день моего проѣзда черезъ этотъ городъ былъ торгъ, нѣчто вродѣ маленькой ярмарки. Сосѣдніе крестьяне, татары, вѣмцы и болгары каждый четвергъ везли въ Карасу-базаръ различные сельскіе продукты и пригоняли для продажи скоть, овецъ и лошадей. Приѣхавъ въ городъ, я остановился въ единственной гостиницѣ, потребовалъ себѣ обѣдъ и приказалъ сходить на станцію за лошадьми. Въ то время, когда я ѣлъ супъ, къ моему столу подошелъ офицеръ Донского войска, впослѣдствіи оказавшійся есауломъ Г—нымъ.

— Вы, кажется, ремонтеръ, обратился ко мнѣ есаулъ. Я молча поклонился и спросилъ его, что ему отъ меня нужно.

— Вотъ извольте ли видѣть, господинъ ремонтеръ, отвѣчалъ мнѣ казакъ, присаживаясь на стулъ, я былъ поставленъ въ заблужденіе. У насъ на Дону меня увѣрили, что въ Карасу-базарѣ можно на-

дѣяться на хорошій сбытъ лошадей, я и пригналъ сюда мой табунъ въ 120 головъ. Неудобно ли взглянуть, мои лошади пасутся тутъ недалеко въ степи.

— А выйдутъ ли въ мѣру ваши лошади? спросилъ я.

— Какъ вамъ доложить, отвѣчалъ мнѣ казакъ, въ моемъ табунѣ есть всякія лошади и съ мѣрой и безъ мѣры; есть также и отмастки.

— А много этихъ отмастокъ? задалъ я вопросъ казаку.

— Не очень много, а есть, да вотъ пожалуйста, сами увидите, продолжалъ, вставая Г. Я докончилъ мою трапезу, и мы отправились въ путь. Табунъ дѣйствительно ходилъ не далеко въ степи за послѣдними домиками. Я сталъ внимательно осматривать лошадей и мысленно насчиталъ головъ 35 годныхъ для ремонта.

— Пожалуй, я готовъ купить часть вашихъ лошадей, но не иначе, какъ на выборъ, говорилъ я.

— Помилуйте,—вскричалъ казакъ—куда же мнѣ дѣваться съ остальными лошадьми, не гнать же ихъ обратно на Донъ; вы лучше купите у меня весь табунъ, я вамъ дешево его продамъ,—прибавилъ Г—инъ.

Хотя покупка отмастковъ и недомѣрковъ и не входила въ мои расчеты, но въ данномъ случаѣ сдѣлка для меня могла быть весьма выгодною.

— А сколько бы вы взяли за вашъ весь табунъ?—спросилъ я.

— Въ моемъ табунѣ,—говорилъ Г—инъ—съ отмастками, двух-годовиками и годовиками есть болѣе ста двадцати лошадей, извольте, я весь табунъ отдаю вамъ за тысячу четыреста рублей, значить, до десяти рублей за голову,—говорилъ есаулъ.

— На эти условія я не могу согласиться,—возразилъ я,—пятьсотъ рублей за вашъ табунъ пожалуй готовъ дать, но не болѣе.

Г—ну, какъ я замѣтилъ, было необходимо продать лошадей. Онъ быстро началъ уступать и, когда мы дошли до гостиницы, весь табунъ Г—на былъ мною купленъ за шестьсотъ рублей. Между тѣмъ, передъ гостиницей стоялъ мой экипажъ, запряженный почтовыми лошадьми. Я едва успѣлъ разсчитаться съ Г—нымъ и взять у него расписку на купленныхъ мною лошадей.

— Ну, господинъ ремонтеръ, выручили вы меня—говорилъ радостно Г—инъ, провожая меня къ экипажу.

— Что бы я дѣлалъ съ моимъ табуномъ, здѣсь кромѣ мелкаго скота ничего не бываетъ. Прощайте, господинъ офицеръ, желаю вамъ благополучнаго пути.

Ямщикъ шевельнулъ вожжами, и мы тронулись въ путь по направленію къ Бурундуку. Моя покупка донскаго табуна была чрезъ-

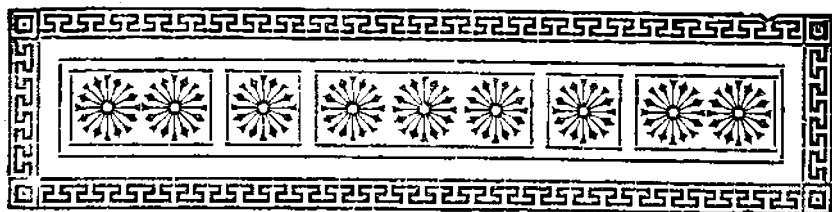
вычайно удачна. Изъ 120 лошадей годились въ ремонтъ, какъ по росту, такъ и по сложенію тридцать лошадей, что составляетъ по ремонтной цѣнѣ 2.400 рублей; отмастки и недоростки также были для меня не въ убытокъ, всё они разошлись по хорошимъ цѣнамъ.

По моей профессіи ремонтера я былъ вынужденъ вести бродячую жизнь,—посѣщать ярмарки, землевладѣльцевъ, крестьянъ и помѣщиковъ. На ярмаркахъ, въ особенности Лебедянской, Коренной и Роменской, мнѣ всегда случалось встрѣчать великое множество шуллеровъ. Эти господа чрезвычайно искусно всегда разыгрывали разные роли. То помѣщиковъ, то коммерсантовъ, то отставныхъ генераловъ. Главная цѣль этихъ карточныхъ мастеровъ заключалась въ томъ, чтобы обыграть навѣрное ремонтеровъ, комиссаріатскихъ чиновниковъ, купцовъ или коннозаводчиковъ. Являясь на ярмарку, такой шуллеръ разыгрывалъ изъ себя роль, напимѣръ, коммерсанта; онъ знакомился съ помѣщиками, торговалъ у нихъ большія партіи хлѣба, даже давалъ значительные задатки, и все шло благополучно, пока помѣщикъ не сѣлъ играть по маленькой въ преферансъ и не сталъ квитаться, разкладывая карты направо и налево. Эти игры по маленькой почти всегда оканчивались проигрышемъ большихъ суммъ денегъ, а иногда и залогомъ недвижимаго имущества. Ремонтерамъ шуллера всегда предлагаютъ купить у нихъ ставку лошадей, которыхъ управляющій долженъ прислать на ярмарку. Дѣлоглавнымъ образомъ всегда заключалось въ томъ, чтобы свести знакомство съ ремонтеромъ, а тамъ уже дѣло пойдетъ какъ по маслу.

Обыкновенно шуллера заводятъ знакомство съ ремонтерами въ ресторанахъ, въ биліардныхъ комнатахъ. Такимъ образомъ составляется знакомство; вечеромъ въ ресторанѣ шуллеръ и ремонтеръ встрѣчаются уже какъ знакомые. Слушая удалыя пѣсни московскихъ дыганъ, новые знакомые пьютъ шампанское и подъ конецъ вечера сходятся на брудершафтъ. Остальное совершается самымъ обыкновеннымъ образомъ. Шуллеръ на зарѣ приглашаетъ ремонтера къ себѣ въ комнату немножко отдохнуть, ремонтеръ, разумѣется, принимаетъ приглашеніе. Въ комнатѣ мнимаго коммерсанта или помѣщика оказывается еще двое коммерсантовъ, одинъ изъ нихъ мечетъ штось, составляется знакомство; потомъ дѣло доходитъ до купленныхъ ремонтныхъ лошадей, и онъ всё проигрываются. Дѣло оканчивается позоромъ, ремонтеръ пускаетъ себѣ пулю въ лобъ, начинается слѣдствіе, но слѣдователямъ не удается допрашивать ни мнимыхъ коммерсантовъ, ни мнимыхъ помѣщиковъ: они безслѣдно исчезаютъ неизвѣстно куда.

Такія исторіи мнѣ случалось не разъ видѣть на ярмаркахъ.

Н. А. Поповъ.

Изъ замѣтокъ стараго ремонтера¹⁾.

(Окончаніе).

Восѣшая господъ помѣщиковъ, мнѣ случалось встрѣчать весьма оригинальные типы. Я бывалъ и у Маниловыхъ, и у Собакевичей, и у Коробочекъ, и у Ноздревыхъ. Мнѣ также, какъ Чичикову, на вопросъ мой, есть ли продажныя лошади, предлагали купить горохъ. Но подводя эти итоги, я долженъ сказать, что всѣ помѣщики, у которыхъ мнѣ случалось бывать, отличались своимъ благодушіемъ, наивностью и самымъ патріархальнымъ гостепріимствомъ. Вотъ, напримѣръ, роскошная усадьба извѣстнаго богача-помѣщика Тамбовской губ. С. Я пріѣхалъ къ нему въ половинѣ мая 1852 года. Домъ С. былъ трехъэтажный, деревянный, конечно, съ мезониномъ, балкончиками и деревянными колоннами, очень обширный, неуклюжій; съ задняго фасада дома виднѣлся обширный садъ съ липовыми аллеями, оранжереями, теплицей, грунтовымъ сараемъ и тому подобными барскими роскошами.

Когда экипажъ мой остановился около параднаго крыльца, по всему двору началась бѣготня маленькихъ казачатъ, босоногихъ дѣвочекъ, разныхъ бабъ, мужиковъ и лакеевъ. Все это суетилось, точно въ усадьбѣ произошелъ пожаръ. На парадномъ крыльцѣ меня встрѣтилъ старый лакей въ сюртукѣ изъ толстаго сукна, очевидно домашняго произведенія, почти вслѣдъ за лакеемъ появился и самъ помѣщикъ С., одѣтый въ синюю венгерку съ черными шнурами, въ рукахъ съ длиннымъ черешневымъ чубукомъ. Почтенный помѣщикъ С. былъ человѣкъ лѣтъ 50, худощавый, съ строгимъ и симпатич-

¹⁾ См. „Русскую Старину“ январь 1912 г.

нымъ лицомъ.—Добро пожаловать, улыбался онъ, привѣтствуя меня, милости просимъ!.. Я выскочилъ изъ тарантаса и поспѣшно отрекомендовался хозяину.—Очень пріятно, улыбаясь, сказалъ онъ, покорно прошу!

Мы вошли въ переднюю, при нашемъ появленіи лакеи, которыхъ было человекъ шесть, встали и поклонились намъ; на ларѣ, гдѣ сидѣли лакеи, лежали разныя разности, очень замасленный псалтырь, чтеніемъ котораго, какъ видно, занимался одинъ изъ лакеевъ, начатая сѣтка для рыбной ловли, безъ пуговицы толстый жилетъ, грязное полотенце, кусокъ чернаго хлѣба на окнѣ, бутылка съ солевой свѣчой и другія вещи. При появленіи нашемъ въ переднюю на насъ пахнулъ удручливый запахъ самаго дурного свойства. Пройдя залъ, съ обыкновенной обстановкой и двумя стеклянными люстрами на потолокъ, мы вошли въ столовую, гдѣ за чайнымъ столомъ сидѣла сама помѣщица С. съ младшею дочерью, дѣвицей лѣтъ двадцати, и нѣмкой гувернанткой неопредѣленнаго возраста. Г-жа С. была особа лѣтъ подлѣ сорокъ, полная, рыхлая дама съ какой-то недовольной гримасой на лицѣ. На головѣ помѣщицы былъ надѣтъ чепчикъ съ длинными лентами, а на полныхъ рукахъ съ оттопыренными мизинцами красовалось множество брилліантовыхъ колецъ.

— Ремонтеръ такой то, отрекомендовалъ меня С., подводя къ своей женѣ. Рыхлая дама еще болѣе сдѣлала недовольную гримасу, точно я ей поднесъ ложку рициноваго масла, и указала мнѣ на порожній стулъ; когда вся эта процедура была исполнена, и мы наконецъ усѣлись, С., обращаясь ко мнѣ, сказалъ: вы конечно еще не завтракали, прошу покорно чѣмъ Богъ послалъ. Я окинулъ столъ глазами и былъ пораженъ обиліемъ разныхъ яствъ и питій, стоящихъ на столѣ. И все это было приготовлено не для гостей, а для четырехъ лицъ. На столѣ красовался большихъ размѣровъ окорокъ, четверть жареной телятины, поросенокъ подъ хрѣномъ, кусокъ сыра, приготовленная селедка, коробочка сардинокъ, какія-то ватрушки и т. д. и т. д. Боже великій, невольно подумалъ я, неужели для такой малочисленной компаніи приготовлены всѣ эти обильные харчи? Положивъ себѣ на тарелку кусокъ телятины, я принялся ѣсть и наша бѣсѣда началась.

— Однако, отозвался С., Бонапартъ что-то недоброе затѣваетъ противъ Россіи, я читалъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, что императоръ французскій ведетъ переговоры съ Англіей, съ которой Франція думаетъ вступить въ союзъ.

— Ни къ чему эта коалиція не поведетъ, фыркнула помѣщица С., Россія непобѣдима.

Я было пробовалъ затронуть вопросъ о путяхъ сообщеніи и во-

оруженіи солдатъ гладкоствольными ружьями, но былъ встрѣченъ такой оппозиціей со стороны самого хозяина, представившаго мнѣ въ видѣ неопровержимаго аргумента статью въ „Московскихъ Вѣдомостей“, что принужденъ былъ замолчать и заняться стаканомъ чая, подавнымъ мнѣ помѣщицей. Тамъ нашъ разговоръ о политикѣ и закончился, мы повели рѣчь о лошадяхъ. Помѣщикъ С. жаловался, что въ его заводѣ за послѣдніе года рождается много чистоногихъ, т. е. безъ щетокъ подъ бабками жеребятъ.—Куда мнѣ съ ними дѣваться, жаловался С., приказываю управляющему продавать на конной этихъ чистоногихъ клячъ за ничто. Кстати, прибавилъ С. пойдемте, я покажу вамъ мой конный заводъ, при этомъ мы всѣ встали; я поблагодарилъ хозяйку, поклонился барышнѣ, и мы отправились на дворъ. Тамъ уже стоялъ наѣздникъ съ арапникомъ въ рукахъ, очевидно ожидавшій приказанія барина начинать выводку лошадей.—Покажи намъ прежде всего Лебеда, сказалъ С., обратившись къ наѣзднику.

Я, хотя и былъ вынужденъ смотрѣть выводку рысистыхъ лошадей, но въ душѣ не могъ понять, къ чему мнѣ это нужно, для ремонта толстоногіе рысаки были не годны, а о *чистоногихъ*, о которыхъ С. говорилъ съ такимъ пренебреженіемъ, пока не было рѣчи. Осмотрѣвъ Лебеда, Угрюмага, Потѣшнаго, Варвара и другихъ рѣзвачей на толстыхъ ногахъ съ *фрызами*, я наконецъ коснулся главнаго, просилъ показать мнѣ чистоногихъ. „Хорошо, хорошо“, нетерпѣливо вскричалъ С., „я прикажу наѣзднику отобрать вамъ чистоногихъ, ихъ по всей вѣроятности найдется головъ съ десятокъ. Надеюсь, вы у меня отобѣдаете“, прибавилъ С.

Я было сталъ отговариваться неимѣніемъ времени, но не тутъ-то было; С. не хотѣлъ принимать никакихъ резоновъ и, подхвативъ меня подъ руку, увелъ на „ворокъ“, гдѣ были годовики и двухлѣтки.

Здѣсь я опять пришелъ въ недоумѣніе, къ чему мнѣ былъ нуженъ осмотръ рысистыхъ жеребятъ. Все это приходило въ голову мнѣ, а почтеннѣйшій С. думалъ иначе. Я долженъ былъ терпѣливо выслушать всю біографію каждаго жеребенка и вовсе неинтересную для меня исторію дѣдовъ и прадѣдовъ маленькихъ рысаковъ. Наконецъ явился наѣздникъ и объявилъ, что чистоногіе собраны въ манежѣ. Слава Тебѣ Господи, подумалъ я, обтирая потъ, струившійся съ моего лица. Мы отправились въ манежъ. Тамъ конюхи держали десять чистоногихъ рысаковъ, изъ числа которыхъ были четыре матки; всѣ лошади были одной масти, росту не выше двухъ аршинъ двухъ съ половиной вершковъ, прекрасно сложенные, на тонкихъ жилистыхъ ногахъ, съ короткими бабками. Я въ душѣ порадовался

при вилѣ такой прекрасной ставки лошадей и спросилъ, сколько онъ хочетъ за нихъ?—О, Боже мой, отвѣчалъ С., дадите столько, сколько сами захотите, пойдемте обѣдать. Лошадей шагомъ провели мимо меня, и мы отправились въ домъ.

Въ столовой былъ сервированъ столъ, на которомъ стояла ваза съ фруктами и нѣсколько бутылокъ вина и наливокъ; конечно, былъ и графинъ водки, а также селедка, сыръ и сардинки. Вскорѣ появились барышня съ гувернанткой, а вслѣдъ за ними изъ сосѣднихъ апартаментовъ плавнымъ шагомъ пришла и сама хозяйка.

Занявъ почетное мѣсто на приготовленномъ для нея вольтеровскомъ креслѣ, она начала разливать супъ изъ миски, стоящей въ концѣ стола. — Не угодно ли для возбужденія аппетита выпить рюмочку водки, обратился ко мнѣ С. Между тѣмъ лакей, одѣтый въ желтый нанковый фракъ, разносилъ тарелки, налитыя супомъ. Мы занялись горячимъ, положивъ себѣ на тарелки по куску очень вкусной кулебяки. Старый лакей, стоящій за кресломъ помѣщицы и держа тарелку, точно онъ дѣлалъ ею караулъ, зорко и, какъ было видно, строго наблюдалъ за остальными лакеями. Маленькая подробность. За кресломъ помѣщицы, какъ я сказалъ, стоялъ старый лакей, за С., барышней были также лакеи, быстро мѣнявшіе тарелки; за гувернанткой лакея не было, и тарелки ея перемѣнялись послѣ насъ всѣхъ. На второе блюдо лакей внесъ большого разварного судака подъ польскимъ соусомъ, на третье блюдо были поданы телячьи котлеты, съ молодымъ картофелемъ, горошкомъ и брюссельской капустой, на жаркое былъ большой жареный поросенокъ съ кашей, а на пирожное кофейное мороженое, затѣмъ фрукты и конфеты. Надо правду сказать, что всего этого было въ большомъ изобиліи и очень вкусно приготовлено; вина и наливки были также очень хороши. Блюда кушанья лакей подавалъ сначала самой хозяйкѣ, потомъ мнѣ, хозяйкѣ, барышнѣ и послѣ всѣхъ гувернанткѣ. Во время обѣда разговоръ шелъ о предстоящемъ сѣнокошѣ, яровыхъ всходахъ и цѣнахъ на сельскіе продукты въ Воронежѣ. Конечно дѣло не обошлось безъ суеты и столкновенія. Лакей Тихонъ съ блюдомъ жаренаго поросенка налетѣлъ на лакея Осипа, при чемъ лежащая на блюдѣ ложка упала на полъ, Тихонъ сталъ подымать ложку и чуть было не уронилъ и самаго поросенка.

— Однако, какой ты ловкій, мой милый, брызгливо проговорила хозяйка, оставь на полу ложку и возьми чистую. Этотъ маленькій инцидентъ очевидно произвелъ непріятное впечатлѣніе на С., онъ пожалъ плечами и проговорилъ какое-то ругательство на французскомъ языкѣ.

Затѣмъ трапеза была окончена, всѣ поднялись съ своихъ мѣстъ,

и я, поблагодаривъ хозяйку и хозяина, отправился къ послѣднему въ его кабинетъ.

Тамъ мы закурили трубки, и лакей принесъ намъ кофе. С., очевидно находясь въ благодушномъ состояніи духа, пересталъ говорить о всхождѣ яровыхъ и снова повелѣлъ рѣчь о политикѣ. — Смѣшно, какъ такой умный человѣкъ, какъ Наполеонъ III, не понимаетъ, что тонъ политики всей Европы даетъ нашъ всемогущій государь, цѣль его величества уничтожить проявленіе всякаго рода либерализма во всемъ свѣтѣ. Недавно въ бельгійской газетѣ я читалъ, что въ Парижѣ, въ одномъ изъ театровъ давали какую-то непензурную пьесу, кажется, если я не ошибаюсь, „Доницеттѣ“; о содержаніи этой пьесы сообщилъ нашъ парижскій посланникъ, государь приказалъ передать Наполеону III, если онъ не прикажетъ снять пьесу со сцены, то русскій Царь Николай I пришлетъ въ Парижъ 50 т. слушателей со штыками.

Мои экскурсіи по помѣстьямъ Тамбовской и Воронежской губерній за покупкой ремонтныхъ лошадей вообще не скажу, чтобы были особенно удачны. Мнѣ довелось лишь у одного С. приобрести очень хорошихъ десять лошадей, которыхъ С. величалъ тонконогими. Остальными же мои посѣщенія помѣщичьихъ имѣній были совсѣмъ неудачны. Когда окончился разговоръ о политикѣ, я рѣшительно повелѣлъ рѣчь о чистокровныхъ и спросилъ С., сколько ему угодно взять за нихъ?

— Повторяю, вскричалъ С.—дадите за всю ставку, сколько вамъ не жалъ, я впередъ изъявляю согласіе. Этотъ отвѣтъ, признаюсь, поставилъ меня въ затрудненіе, и я просилъ С. назначить мнѣ цѣну за лошадей. — Ну, хорошо—вскричалъ С., я готовъ назначить цѣну, дайте за всю ставку 300 рублей, и лошади ваши, вы согласны? — Конечно, согласенъ,—отвѣчалъ я, вынимая изъ кармана бумажникъ—потому, что ваши лошади стоятъ въ пять разъ дороже. — Ну, это по-вашему, а по-моему онѣ ничего не стоятъ потому, что чистокровныя. Такимъ образомъ мы протолковали часа два, я изъявилъ рѣшительное желаніе тронуться далѣе, несмотря на самыя горячія просьбы С. остаться пить чай.

Противившись съ радушными хозяевами, я поѣхалъ далѣе. Но затрудняюсь описывать мои дальнѣйшіе визиты, такъ какъ приходится повторять зады, описывать то, что уже было описано талантливымъ Гоголемъ въ его поэмѣ „Мертвыя Души“. Отъ С. я какъ разъ попалъ въ усадьбу блаженной памяти Плюшкина, помѣщика Розова. Я никакъ не могъ себѣ представить, чтобы у этого богатого землевладѣльца не было коннаго завода, но, вѣхавъ въ деревню, состоящую изъ сотни избъ, я долженъ былъ убѣдиться, что у Розова не можетъ быть коннаго завода.

Вся деревня, по которой я ѣхалъ къ дому помѣщика, представляла собой гнилыя, полуразвалившіяся руины; большинство избъ были даже не покрыты соломой. Завернувъ за уголъ въ полуразвалившіяся ворота, я былъ еще болѣе пораженъ представившимся мнѣ зрѣлищемъ. Посреди двора стоялъ длинный, очень длинный, на бокъ покосившійся деревянный домъ, задній фасадъ котораго выходилъ на огородъ съ капустой, рѣдькой, подсолнухами и мѣстами торчавшими ветлами; надворныя постройки я затрудняюсь описывать, онѣ представляли собой какой-то гнилой хламъ, неуклюже собранный вмѣстѣ. Трудно было рѣшить, что это—закуты или жильѣ для людей; по срединѣ двора стояла телега съ сломанными колесами, какая-то грязная баба кралась по двору, двое мальчишекъ сквозь дырявый заборъ удивленно смотрѣли на мой тарантасъ. Изъ дома наконецъ показался самъ хозяинъ, худощавый старичекъ съ посѣдѣвшими волосами, одѣтый въ какую-то женскую ватную кофту и нанковыхъ штанахъ, на головѣ помѣщика былъ надѣтъ теплый картузъ съ ушами, ноги были обуты въ опорки. Все это, разумѣется, не могло на меня приятно дѣйствовать; хотя и поздно, но я понялъ, что заѣхалъ тѣда, куда не слѣдовало, но дѣлать было нечего, пришлось выйти изъ экипажа и познакомиться съ помѣщикомъ.

— Очень, очень радъ, бормоталъ старичекъ, а у меня кстати есть продажная партія пеньки. Я возразилъ, что пеньки мнѣ не нужны, и что мнѣ хотѣлось бы купить лошадей для ремонта.—Нѣтъ, отецъ мой, отвѣчалъ мнѣ помѣщикъ, лошадей я не держу, ну ихъ къ шуту, какой толкъ въ лошадяхъ, только одинъ расходъ на кормъ, а пользы отъ нихъ никакой нѣтъ; навоза даютъ всего ничего, а требуютъ корма и ухода; нѣтъ, лошадей я не держу, вотъ на счетъ пеньки, то пожалуй... Я еще разъ замѣтилъ помѣщику, что пеньки мнѣ не надо.—Что же я могу предложить вамъ, право, и не знаю, бормоталъ старичекъ,—развѣ капусты, да едва-ли она посѣла, подсолнухи, разумѣется, годились бы для масла, но я они еще не созрѣли.

Вся эта бесѣда происходила на дворѣ; я началъ уже не на шутку беспокоиться, не получить бы отъ помѣщика предложенія купить нѣчто вроде пеньки, капусты и подсолнуховъ и, раскланявшись съ почтеннымъ старичкомъ, сталъ пятиться къ моему тарантасу. Последнее немножко образумило гостепріимнаго хозяина, и онъ сталъ приглашать меня въ домъ. Обратившись къ грязной бабѣ, бывшей на дворѣ, Розовъ вскричалъ:—Алена, согрѣй самоваръ! Милости просимъ, продолжалъ помѣщикъ, выкушайте у меня хотя стаканчикъ чая. Но я рѣшительно отказался отъ чая, простился съ гостепріимнымъ помѣщикомъ, прыгнулъ въ тарантасъ и выѣхалъ за околицу.

Далѣе я посѣтилъ помѣщика Борова. Усадьба его была вполнѣ

хорошая. Домъ двухъэтажный, съ колоннами, тѣнистый садъ, различные надворныя постройки и прочее. Но къ сожалѣнiю я у Борова не нашелъ *чистоногихъ* рысаковъ, зато этотъ благовоспитанный дворянинъ принудилъ меня глядѣть всѣхъ его толстоногихъ рысаковъ, по заявленiю Борова, совершающихъ трехверстную дистанцiю *безъ секундъ*. Я едва могъ отдѣлаться отъ Борова и, отговариваясь неимѣнiемъ времени, уѣхалъ. Болѣе я уже не буду говорить о моихъ посѣщенiяхъ помѣщиковъ-коннозаводчиковъ; скажу лишь одно, что посѣщенiя мои были не совсѣмъ удачны.

III.

Посѣщая имѣнiя помѣщиковъ Тамбовской и Воронежской губернiй, я пришелъ къ окончательному убѣжденiю, что типъ всероссiйскаго помѣщика-дворянина въ средней полосѣ не измѣнился ни на одну каплю съ тѣхъ поръ, какъ Гоголь описывалъ дворянъ, съ которыми имѣлъ дѣло Чичиковъ. Лишь въ 1861 году, съ крестьянской реформы наши помѣщики, въ силу обстоятельствъ, измѣнили свой наружный видъ, хотя внутреннее ихъ содержанiе осталось то же самое, но по освобожденiи крестьянъ помѣщики сбросили свои халаты, облеклись въ модныя рединготы и отправились въ Парижъ проживать свои пятипроцентныя бикеты и выкупныя свидѣтельства, выданныя имъ правительствомъ за освобожденiе, крестьянъ съ землею. Не даромъ въ ту эпоху Наполеонъ III говорилъ, что русскiе дворяне наводнили Парижъ и хотятъ взять его въ отместку за покоренный Севастополь. Богатыя хоромы помѣщиковъ, оранжереи, парки, конные заводы, заповѣдныя лѣса и луга перешли въ руки почтеннѣйшихъ коммерсантовъ, которые роскошныя палаты баръ преобразили въ фабрики, а оранжереи въ кирпичные заводы, отапливаемые срубленными фруктовыми деревьями, всѣхъ заводскихъ лошадей орловскаго типа коммерсанты распродали цыганамъ и юркимъ жидкамъ и т. д. и т. д. Съ 1853—54 годовъ покупка ремонтныхъ лошадей для казны рѣзко измѣнилась, явилась надобность въ большомъ количествѣ фуhrштатскихъ и артиллерiйскихъ лошадей, большинство которыхъ въ 1854 году потонуло въ Херсонской и Таврической грязи. Пришлось отказаться отъ ремонтерской дѣятельности.

Подводя итоги прошлаго, я долженъ сказать, что самая удачная моя дѣятельность по части покупки лошадей была именно въ то время, когда я послушался благого совѣта старшаго ремонтера 6-й кавалерiйской дивизiи и сталъ покупать лошадей не въ розницу, а цѣлыми косяками, которыхъ перегонялъ въ мое имѣнiе Таврической губ., и уже тамъ на мѣстѣ сортировалъ лошадей.

Такія покупки цѣлыхъ косяковъ были чрезвычайно выгодны прежде всего потому, что лошади приходились по крайней мѣрѣ вдвое дешевле купленныхъ по одиночкѣ; затѣмъ и остальные недо-мѣрки и отмастки продавались съ хорошимъ барышемъ.

Для покупки лошадей цѣлыми косяками Урюпинская ярмарка въ особенности была хороша. Донскія лошади того времени, воспитанныя въ степи, а не въ душномъ варкѣ, какъ нельзя болѣе соответствовали инструкціи. На ярмаркахъ Лебедянской, Коренной, Роменской и Балтской мнѣ также доводилось покупать косяками лошадей, но въ Лебедянской ярмаркѣ косяки не всегда были одного типа; въ табунѣ нерѣдко попадались и тамбовскіе выкормки. Повторяю, въ этомъ случаѣ Урюпинская ярмарка давала мнѣ именно тотъ сортъ лошадей, который для меня требовался. Къ сожалѣнію въ Урюпинской ярмаркѣ далеко не всѣ табуны лошадей были донскіе, съ мѣрой, были и калмыцкіе табуны, этотъ сортъ лошадей не соответствуетъ инструкціи, почти всѣ лошади безъ мѣры, при томъ же чрезвычайно безобразны, съ тяжелыми головами на толстыхъ короткихъ ногахъ. Съ Крымской войны и воцареніемъ Государя Александра II-го, въ Россіи многое измѣнилось. Реформы этого царствованія, конечно, коснулись и покупки ремонтныхъ лошадей. Многіе мои товарищи, такъ же какъ и я, вышли изъ ремонтеровъ; впрочемъ послѣднее началось еще до кончины Императора Николая I-го, въ 1854—55 годахъ. Затѣмъ вся сельско-хозяйственная машина въ Россіи начала дѣйствовать совершенно въ противоположномъ направленіи. Земельныя богатства Россіи мало-по-малу стали переходить къ купцамъ, которые заботились лишь объ увеличеніи своихъ капиталовъ, посредствомъ пара распахивали десятки тысячъ десятинъ цѣлны и тѣмъ окончательно уничтожали конно-заводство и кокеводство. Въ настоящее время вмѣсто малороссійскихъ, новороссійскихъ и другихъ заводовъ а также и Донского войска, на сцену явился очень рѣзвый рысакъ, совсѣмъ не орловскаго типа; какъ верховая лошадь, такъ и могучій рысакъ давно отошли въ область преданій. Если бы я хотѣлъ высказать мое мнѣніе о настоящемъ положеніи рысистыхъ и верховыхъ заводовъ въ Россіи, я рѣшительно не могъ бы этого сдѣлать. Въ общемъ большинство рысистыхъ заводовъ существуетъ лишь для тотализатора, а верховыхъ заводовъ давно и слѣда нѣтъ. Мнѣ сообщали весьма недавно, что за лошадьми для гвардіи ѣздятъ въ Германію и Австрію. Слѣдовательно, мое слово въ настоящее время уже не можетъ имѣть никакого значенія.

Н. А. Поповъ.

